УДК 94(47).081/083:346.26

В. А. Веременко

Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в.

Начало нынешнего столетия отмечено всплеском научного интереса к семье и к положению ребенка в ней. Семью исследуют как особый, исторически обусловленный феномен, как пространство, в котором «перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни», как центр «координации и взаимного регулирования репродуктивной и других форм человеческой деятельности»[1]. Наряду с этим появляются труды, в которых предметом исследования являются различные аспекты истории детства дворян: организация ухода за младенцами[2], роль гувернанток в воспитании юного дворянства[3], правовые взаимоотношения родителей и детей[4], проблемы

[1] *Репина Л. П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 19. Специальный выпуск: Индивид, Общество, власть в контексте гендерной истории. М., 2007. С. 11.

[2] *Веременко В. А.* Организация питания младенцев в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в. // Придніпровські соціально-гуманітарні читання: Матеріали Бердянської сесії І Всеукраїнської науково-практичн. конф. з міжнародною участю (м. Бердянськ, 22 вересня 2012 р.): у 5 частинах. Дніпропетровськ, 2012. Ч. 3. С. 31–34.

[3] *Солодянкина О. Ю.* Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги // Гендер и общество в России / Под ред. Л. П. Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб., 2007. С. 123–161.

[4] *Веременко В. А.* Наследственные права детей в родовом имуществе дворян в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. 4: История. 2008. № 2. С. 57–74.

насилия в семье[5], вопросы детской преступности[6], социального сопровождения («призрения») детей, в том числе оказавшихся в трудных или даже кризисных ситуациях[7] и др.

Вопросы собственно семейного воспитания дворянских детей, в том числе религиозного, крайне редко привлекают внимание исследователей, да и рассматриваются они лишь в контексте более общих проблем семейного уклада и семейных практик дворян[8]. Между тем воспитание ребенка является, очевидно, одной из важнейших областей жизнедеятельности семьи, исследование которой позволяет более глубоко понять как особенности дворянской культуры, так и основные тенденции и противоречия в ее трансформации на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

Религиозное воспитание (речь пойдет о семьях дворян христианского исповедания) предполагало два взаимосвязанных направления воздействия на ребенка — освоение им церковной догматики и обрядов.

Обрядовая сторона религиозного воспитания включала в себя: приучение ребенка к посещению храма и к соблюдению правил поведения в его стенах, запоминание основных молитв, знание церковного календаря, соблюдение постов и праздников. В дошкольный период реализация значительной части этих задач оказывалась напрямую связанной с религиозностью старших членов семьи, прежде всего родителей, хотя, несомненно, определенную роль играли гувернантки и (или) гувернеры, а также прислуга. Влияние это было, безусловно, различным. В одних семьях родители или приглашенные наставники относились к исполнению религиозных обрядов «как к необходимому подчинению правилам», порой пренебрегая посещением церкви и молитвами, тем самым

---

5 *Синова И. В.* Наказание детей во второй половине XIX — начале XX века в контексте повседневной жизни // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII — начале XXI в.: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 ноября 2012 г. / Отв. ред. И. А. Тропов. СПб., 2012. С. 116–122.

6 *Мишина Е. В.* Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними в дореволюционной России и государственно-правовая деятельность по их предупреждению и пресечению (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2002.

7 *Зайцева С. В.* Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии). Автореф. дис. ... к. и. н. СПб., 2014; *Фролова И. В.* Особенности призрения девочек католического вероисповедания в России во второй половине XIX — начале XX в. // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., г. Рязань / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, О. Д. Попова. М., 2014. Т. 1. С. 475–478; *Шевнина Л. В.* Патронат над преступными детьми в России в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. 4: История. 2010. № 2. С. 152–162.

8 См. например: *Мартианова И. Ю.* Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII — начала XX в. Автореф. дис. ... к. и. н. Краснодар, 2010.

формируя у своих воспитанников «отрицательное отношение если не к вере в Бога, то к внешним проявлениям ее в религиозных обрядах»[9]. Другие наставники, напротив, стремились как можно раньше и полнее приобщить дворянского отпрыска к вопросам веры, включая и обрядовую ее сторону. Результаты их усилий поражали родителей. Например, в тот день, когда 14-летний дворянин Николай Гаевский, находившийся при двух иностранных гувернантках (его мать рано умерла), решил отметить успешно сданные вступительные экзамены в школу просьбой отвезти его в церковь, «где поставил три свечки и усердно молился», его отец, В. П. Гаевский с удивлением записал в своем дневнике: «Откуда эта набожность? У меня менее всего он мог ее заимствовать». Придерживавшийся атеистических взглядов отец не стремился разубеждать сына: «...я не поощряю его набожности, но и не препятствую ее развитию...»[10].

Во второй половине XIX в. родители могли водить ребенка в храм сами, а могли направлять его туда с гувернанткой/гувернером или даже няней/бонной[11]. В большинстве своем даже те из них, кто не отличался особой религиозностью, все-таки стремились приобщить детей к церковной традиции.

Посещение храма могло практиковаться с младенчества, а к трем годам этому акту пытались придать «сознательный» характер[12]. Интересные воспоминания о подобных походах оставил А. Луговой:

«...меня разбудили в ночь на вербное воскресенье, чтобы снести в церковь к заутрене. А было мне тогда едва ли три года.

Чем уняли мой плач, как меня утешили и чем разогнали одолевший меня сон, не знаю; помню, что я постепенно успокоился; и когда мать, предоставив меня няньке, ушла вниз, я беспрекословно дал себя одеть, был смирен и молчалив и уже с некоторым любопытством ждал, что будет дальше.

Нянька несколько раз повторила: “Вот, мы сейчас пойдем к Боженьке, молиться”. И каждый раз я хотел спросить ее: “Зачем же ночью, няня?” — но так и промолчал.

Я знал, что “идти к Боженьке, молиться” — это значило, что мне дадут “там” из золотой чаши на золотой ложечке немного вина с небольшим кусочком просвирки. Я помню, что многие из детей, которых угощали таким образом одновременно со мной, отчаянно плакали; но мне это угощение всегда нравилось, и если я тоже иногда плакал при этом, так, кажется, потому только, что

[9] *Луговой А.* Как росла моя вера // Вестник Европы. 1909. Кн. 4. С. 583–584.

[10] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 171. Д. 1. Л. 35, 47 об.

[11] См. например, ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 1 об.

[12] Согласно господствовавшим, берущим свое начало еще от Яна Амоса Коменского взглядам, религиозное воспитание детей должно было начинаться с третьего года путем приучения к «внешним молитвенным знакам и заучивания молитв». *Лозинский Е.* Новые проблемы воспитания. Т. 1: Религия. Нравственность. Сексуальное воспитание. СПб., 1912. С. 45.

давали слишком мало: просвирками ведь нянька баловала меня иногда и дома, и я очень любил делать из них тюрю с чаем, а тепловатое вино в золотой чаше казалось мне еще вкуснее и чая с молоком»[13].

Дети разноверных родителей часто посещали церкви каждого из вероисповеданий[14]. Например, воспитывавшиеся вместе Анатолий Половцов (православный) и его двоюродный брат, протестант Карл Вайе, посещали как православную, так и лютеранскую церкви, в первую их водил отец Анатолия, во вторую — его мать. В каждой из них дети отстаивали службы, слушали проповеди и участвовали в детских праздниках. Если же даты церковных праздников совпадали, то походы на службы чередовались (в один год «ходили на православие», а в другой были «в немецкой церкви»)[15].

В конце XIX — начале XX в. ситуация стала постепенно изменяться: среди родителей, редко или вовсе не посещавших церкви, ширилось число тех, кто не считал необходимым отправлять туда и своих детей. Демонстративный отказ от обрядности стал в эти годы в дворянской среде своего рода веянием времени. «Религия заметно слабеет, — записывала в своем дневнике Е. А. Кравченко. — ...Фразеров, щелкунов много, веры в Бога, религии никакой, обряды церковные вызывают как бы насмешку... Что будет дальше, страшно подумать, если теперешнее поколение религии не хочет иметь, то что будут за экземпляры их дети?» Но порицание представителей своего сословия за отход от веры не мешало Е. А. Кравченко заявлять: «Обрядов я не держусь и не буду держаться; хождение по службам, постная пища это есть только дело привычки и нужно для напоминания человеку об его обязанностях»[16].

Обрядовость, конечно, не уходила вовсе, но она значительно меньше, чем в предыдущие десятилетия, была связана с посещением церкви, оставаясь, порой в довольно-таки отрывочном виде, в «домашнем обиходе». Так, Т. Г. Морозова, которая, по ее собственному признанию, росла в «традиционно-религиозной семье», начала посещать храм только в институте, дома же «детей в церковь не водили», не бывали там и родители. Характерно, что церковь располагалась на соседней улице и ежедневно раздававшийся звон колоколов, причину которого ребенку никто не посчитал нужным объяснить («Ну зачем они звонят, зачем они звонят?!»), вызывал у девочки страх и слезы. Иконы в комнатах всё же висели. До поступления в школу девочку даже «выучили класть крестное

[13] *Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 155.

[14] Выросшие в такой атмосфере своеобразной «свободы совести» дети, очевидно, переставали «считать другие вероисповедания вредными заблуждениями», что, в свою очередь способствовало «раздвоению религиозного чувства христианина», понижало «степень уважения к православию» и внушало «некоторое доверие к заблуждению». См. об этом: *Кузнецов В. Д.* Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. 2011. № 5. С. 69.

[15] ОР РНБ. Ф. 601. Д. 46. Л. 1–337.

[16] ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1195. Л. 73 об. — 75 об.

знамение (креститься). Но молиться <...> не учили»[17]. Наряду с подобными «религиозными» семьями современники отмечали в данный период и значительное количество «атеистов 10–12 лет, так же как и детей, растущих в вольнодумных семьях и до школы ничего не слыхавших о Боге»[18].

Из церковного календаря практически повсеместно в дворянских семьях соблюдались праздники и очень выборочно — посты[19]. Так как детей (по крайней мере, старше 3-х лет) обычно на обед кормили тем же, что и взрослых, то и они соблюдали или, наоборот, не соблюдали, церковные ограничения вместе со всей семьей[20]. Изредка родители практиковали приготовление во время больших постов двух видов обедов — постных и скоромных. Разумеется, такой вариант требовал значительно больших затрат как продуктов и дров, так и усилий прислуги. Важно, что эти два вида готовились не отдельно для детей, отдельно для взрослых, а соответствовали разнообразным требованиям старших членов семьи. Например, на страстной неделе 1883 г. в дворянской семье Гудковых подавали для старших женщин «треску на постном масле, и компот и мармелад», а для отца семейства и 12-летней младшей дочери — «куриный суп, вареную курицу, компот и мармелад». При этом на Вербное Воскресенье вся семья получила одинаковые «суп с перловой крупой и жарко́е»[21].

Во второй половине XIX — начале XX в. уже практически никто в дворянской среде не ограничивал потребление мяса в среду и в пятницу[22]. То, что такая возможность не предусматривалась даже теоретически, видно из так называемых «меню примерных обедов» («карт блюд на неделю»), которые активно

---

[17] *Морозова Т.Г.* В институте благородных девиц // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. теста и комм. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. ст. А.Ф. Белоусова. М., 2001. С. 462–464.

[18] *Лозинский Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 42.

[19] Церковные иерархи постоянно напоминали своей пастве о важности соблюдения постов: «Без поста нет истинной молитвы у человека: где нет поста, там не живет дух ее. А где нет молитвы, там нет Божией благодати, — там нет ничего истинно доброго, истинной, духовной, добродетельной жизни». См.: *Михайловский В.* Пост, его происхождение, необходимость, польза и возражения против него. СПб., 1884. С. 8, 13.

[20] В начале XX в. традиционный стакан молока считалось необходимым давать детям утром и/или вечером вне зависимости от наличия или отсутствия поста. За полвека до этого наиболее религиозные семьи лишали ребенка и молока: «Я не мог понять, <...> почему пить в постные дни молоко за обедом — грех, а шипучий клюквенный квас, от которого у меня всегда бурлило в животе, не грех». *Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 160–161; РГИА. Ф. 1412. Оп. 226. Д. 142. Л. 150 об.; ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 1; *Голицына И.Д.* Воспоминания о России (1900–1932) / Пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. М., 2009. С. 26.

[21] ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 1 об. — 2. Жарко́е — горячее блюдо из мяса.

[22] Иерархи церкви продолжали настаивать на соблюдении этих постов: «Матерь наша Святая Церковь установила посты определенные, относительно времени и рода пищи... Дневные — это среды и пятки в неделях года» (*Михайловский В.* Указ. соч. С. 14).

публиковались в данный период как в специализированных изданиях[23], так и в книгах, рассчитанных на широкую (но образованную) аудиторию[24]. Такие меню представляли собой помесячный вариант обедов на неделю — с воскресенья по субботу. Эти варианты всегда учитывали сезонный фактор, предлагая использовать те продукты, которые в то или иное время года были наиболее доступными и дешевыми; принимался в них во внимание и период Великого Поста — в марте и апреле рекомендовалось чаще (но не исключительно) есть рыбу и овощи. Характер питания в среду и пятницу ничем не отличался от прочих дней. На прочие посты и вовсе не обращалось никакого внимания[25].

Полностью все посты соблюдала очень небольшая часть дворянских семейств — одни не постились совсем, другие ограничивали период воздержания несколькими днями: в сам канун Рождества[26], в страстные пятницу и субботу, в отдельные дни, но в течение всего поста (например по средам и пятницам[27]) или неделями — как правило, это были первая и последняя недели Великого поста.

Даже вполне религиозные семьи, частично соблюдавшие посты, в большинстве своем, не видели смысла в полном отказе от пищи накануне крупных религиозных праздников[28]. Они считали вполне допустимым ограничиться постным обедом с ритуальным набором блюд. Строгие требования церкви могли стать даже предметом шуток, нередко обращенных на детей: Вот, например, какие «испытания» пришлось пережить детям сенатора С. И. Зарудного 24 декабря 1876 г.: «Сегодня сочельник! <...> Я утром хотела с Сережей ничего не есть до первой звезды, папа нам сказал, что кто будет есть до звезды, того черти в аду будут бить кочергами, но мы согрешили и завтракали со всеми вместе. Обед

---

[23] В кулинарных книгах, рассчитанных на подростковую аудиторию (автор обращается к своей «юной читательнице» на «ты»), в среду и пятницу упорно предлагали готовить скоромную пищу, оставляя наставления священнослужителей, по сути, без внимания. «Пятничное» меню в одной из таких «учебных» книг включало в себя «1. Суп с клецками. 2. Мясо с петрушечным соусом. 3. Шпинат с яйцами. 4. Бисквитный пудинг». См.: Приготовление кушаний без кухарки. Необходимая книжка для каждой начинающей хозяйки. СПб., 1874. С. 34–35.

[24] См. например: Дамский календарь на... (1898–1904). М.: Изд. И. В. Бартошевича, 1898–1903.

[25] Вот, например, какие обеды предлагал готовить «Дамский календарь» в августе, бóльшая часть которого приходилась на время Успенского поста: «Среда: Суп пюре из курицы. Котлеты рубленные из говядины. Земляная груша с сабаионом. Компот из дыни.
Четверг: Кислые щи из свежей капусты. Котлеты из свинины. Рыба жаренная с салатом. Бланманже шоколадное. Пятница: Суп пюре из артишоков. Жаркóе — телятина. Капуста красная. Сливочное мороженное» и т. д. См.: Дамский календарь на 1898 год. 1-й год издания. М.: Изд. И. В. Бартошевича, 1898. С. 123.

[26] «В канун Рождества <...> обязательным был торжественный постный ужин с традиционными на Украине кутьей (рис с изюмом) и узваром (компот из сухофруктов)». *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 462.

[27] «Теперь пост, но мы постимся только в среду и пятницу», — пишет в своем дневнике за 1 марта 1875 г. 12-летняя Катя Зарудная (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 1).

[28] В особо религиозных семьях дети в такие дни могли получать чай с постной булкой и постную картофельную похлебку с перловой крупой. См.: *Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 167–168.

у нас был такой, какой папа всегда устраивает на сочельник — в одном углу столовой на столе в соломе стояли: 3 свечи, кутья, узварь, рис и т. д., на другом закуска и пироги с рыбой, рисом, маком... капустой и т. д.»[29].

Хотя бы одну неделю в год (как правило, в период Великого поста) полагалось «говеть» — поститься и посещать богослужения[30], готовясь к таинству исповеди и причастия[31]. Участие в этом обряде даже вполне взрослых детей определялось вниманием к нему родителей и других старших родственников. Так, например, в семье Яфа-Второвых традиционно говели неделю перед Пасхой, но с болезнью бабушки уже никто за этим не следил. В результате, как писала 20-летняя Е. Яфа, «я впервые не говела перед Пасхой и чувствовала себя на этот раз как-то не по себе»[32].

Особо религиозные семьи (встречавшиеся в конце XIX — начале XX столетий в дворянской среде крайне редко) говели в течение всего Великого Поста. Красочное описание подобной процедуры находим в автобиографических записках А. Лугового: «...на седьмом году <...> меня стали готовить к первой исповеди. Мне объяснили, что я уже настолько большой, что теперь для получения причастия должен подготовляться к этому говеньем и покаянием, объяснили, в чем и как я могу быть грешен, и как я должен каяться. Весь Великий пост я ел постное наравне с моими родителями, а на Страстной, кроме усиленного поста, началось и наше семейное хождение ко всем церковным службам. Мы приходили в церковь одними из первых и уходили едва ли не последними, еще молясь и по окончании богослужения понемногу перед всеми главнейшими иконами»[33].

В отдельных случаях даже совершенно не религиозные родители вынуждены были осуществлять процедуру говения/причастия в отношении детей — предоставление свидетельства об исповеди и причастии было обязательным для поступления в государственную школу[34].

---

[29] Интересно, что автор этого же дневника — Катя Зарудная, — упоминая празднование Пасхи, не забыла написать об обеде, состоявшемся в 5 вечера в субботу, после которого они подготовили дом к празднику и отправились в церковь, а «возвратясь домой <...> сели за стол чтобы *разговляться* (курсив мой. — *В. В.*)» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 10–11, 15).

[30] Обязательность данной процедуры объяснялась невозможностью «неприготовленными, непредочищенными вступить в великие, священные дни Страстной седмицы, стать духом на Голгофе у подножия самого Креста Христова, а видимо у плащаницы Его... Вовсе не предочищенные постом, мы и среди этого моря радости не нашли бы радости истинно праздничной, духовной» (*Михайловский В.* Указ. соч. С. 18).

[31] «На страстной неделе говела, — отмечала в своем дневнике за 18 марта 1885 г. Е. Зарудная, — исповедовалась и причащалась вместе с Наташей, Аней и Ниной в Инженерной церкви...» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 4. Л. 193 об.).

[32] ОР РНБ. Ф. 163. Д. 323. Л. 124 об.; Д. 324. Л. 159.

[33] *Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 162–163.

[34] В начале XX в. многие дворяне, пользуясь тем, что из церковных канонов не следовало обязательного соблюдения поста перед причастием (правда, требовалось участие в регулярных постах, но на это можно было и не обращать внимания), считали возможным ходить (и водить детей) на причастие для получения свидетельства без выполнения какой-либо предварительной процедуры. См.: *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 394.

На самой исповеди священник мог обратиться к детям с самыми разными вопросами, подчас совершенно не соответствовавшими возрасту. Вот какую историю прохождения в 10-летнем возрасте «первой в жизни исповеди» приводит в своих воспоминаниях Т. Г. Морозова:

«Мы пришли с мамой в полковую церковь. Священник увел меня за небольшую перегородку:

— Табак куришь?

— Нет.

— Водку пьешь?

— Нет.

— Родителей слушаешься?

— Слушаюсь.

Он накрыл мне голову епитрахилью и отпустил мои грехи. Мама меня спросила: “О чем с тобой говорил батюшка?” Я пересказала маме наш диалог. Мама подошла со мной к отцу церкви. “Батюшка, — сказала она, — ну о чем вы спрашиваете маленькую девочку? Разве она солдат?”.

Священник засмеялся и сказал: “А о чем ее спрашивать? И то она неправду сказала, что родителей слушается... Наверное, не слушается...”»[35]

Помимо ограничения пищи в период постов полагалось отказываться от различных увеселений. Однако и тут дворяне редко выполняли предписания церкви. Вот, например, как начиналась заметка, посвященная рекомендациям по пошиву светских туалетов, опубликованная в журнале «Семья» в период Великого поста 1893 г.: «Несмотря на пост, сезон в полном разгаре: балы, вечера следуют один за другим, и вопрос о нарядных вечерних туалетах заставляет призадуматься не одну хорошенькую головку»[36].

Редко и выборочно соблюдая посты[37], дворянские семьи (и рождавшиеся в них дети) торжественно отмечали религиозные праздники, особенно

---

[35] *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 394.

[36] Новости моды // Семья. 1893. № 15. С. 17.

[37] Интересно, что отказ от поста как религиозного обряда сопровождался ростом популярности в дворянской среде различных диет и вегетарианства. Любопытный опыт детского вегетарианства находим в записках одной из матерей: «Я всегда увлекалась этой гуманной идеей, и вот мы вместе с Борей принялись мечтать о том, как было бы хорошо привести ее в исполнение. В один несчастный день мы совершенно отказались от мясной пищи. Но то, что для меня в силу болезненности организма не составило никакого лишения, то для здорового и привыкшего главным образом к мясной пище мальчика, было громадным лишением, тем более, что он прямо не любит, не ест ни мучной пищи, ни овощей... Прошло недели две, он похудел, побледнел <...> и вот тут-то я увидела, как опрометчиво поступила, допустив такой опыт... И когда он, наконец, уступил моим просьбам и приказаниям и стал есть, то слезы показались у него на глазах... Покончили мы на том, что когда он вырастет, то устроит себе хорошую, питательную вегетарианскую кухню, а при условиях нашей жизни это очень трудно; пропадет же с голоду — неразумно» (*А-ская.* Из записок матери // Свободное воспитание. 1907–1908. № 10. С. 62); см. также: *Засосов Д. А., Пызин В. Н.* Из жизни Петербурга. СПб., 1991. С. 105; Гигиеническая поваренная книга д-ра М. Я. Брейтмана / Под ред. проф. С. И. Залеского. М., 1902.

Рождество и Пасху, правда, «скорее не как религиозно-памятные дни, а просто как большие праздники»[38].

Главным детским праздником считалось Рождество. Дневники и воспоминания, особенно детские, переполнены красочными описаниями этого торжества. Обязательным атрибутом праздника была рождественская елка, причем дети знали, что елка ставилась для них[39] и обычно называли ее своей («Целый день Зоя, Маша и я приготовляли нашу елку...»)[40]. Украшали елку чаще всего сами старшие дети (иногда под руководством родителей)[41], обязательно используя для этого свечи и сладости[42], а с последней трети XIX в. еще и специальные игрушки[43].

Яркие описания таких елок содержатся в обязательном атрибуте праздника — рождественских сказках и рассказах, печатавшихся в журналах и газетах, и выходивших отдельными изданиями: «По елке было рассыпано много золотых блесток: орехи и коробки, оклеенные золотой бумагой, сияли как звезды в безлунную ночь. Были и настоящие звезды, которые смотрелись более красивыми, чем те, далекие звезды неба. И кроме того, они были полны конфет; где же небесным звездам было равняться с ними? Орехи и звезды чередовались с картонажами, изображавшими прекрасные вещи: барабаны, шкатулки, бочонки, ведерцы, баульчики, саквояжи и сундуки. И везде лежали конфеты: вместо белья в саквояжах, вместо записок, крючков и вязания — в баульчиках, вместо денег и золотых вещей — в шкатулках... И кроме всего этого, на елке гордо качались самые главные и интересные вещи: игрушки...

На ней висели куклы, чуть-чуть не живые, отлично воспитанные и знавшие чересчур много для кукол <...> Чтобы куклам не было скучно, возле них были развешены кухонные принадлежности: кастрюли, ухваты, решетка и кочерги... Недалеко от кухонных принадлежностей бродило стадо... Коровы с добрыми, но глупыми мордами могли их передавить и смять... на них же сломя голову

---

[38] *Морозова Т.Г.* Указ. соч. С. 462.

[39] Елка как обязательный элемент детского праздника появлялась в домах, где были даже самые маленькие дети. Для родившегося 8 марта 1889 г. первенца Сережи в семье Кавосов «сделали елку» с гостями уже 24 декабря того же года (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 9. Л. 148 об.).

[40] ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 15 об.

[41] «В канун Рождества мы, дети, под маминым руководством и с ее участием украшали большую елку». *Морозова Т.Г.* В институте благородных девиц // Институтки... С. 462.

[42] «Елку мне сделали и убрали очень хорошо: тут были: золоченные орешки грецкие и американские, мармелад и <...> много прекрасных вещей... мы с Лидой одни зажгли елку и впустили всех» (ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 43 об. — 44).

[43] Реклама предлагала покупать «картонажи, свечи и нитки для елки... розетки, шары, тюльпаны...». Можно было приобрести и весь необходимый комплект для украшения целиком. Такие комплекты, собираемые в столице, пересылались и в другие города: «Украшения для елок, для Гг. иногородних составлены коллекции: в 5 р., 10 р., 15 р., 25 р., 50 р. и 100 р. и каждая коллекция, даже 5 р., так составлена, что она содержит всё необходимое для украшения елок. Коллекции в 25, 50 и 100 р. особенно пригодны для больших семейств, школ, приютов, базаров, собраний, благотворительных целей, пансионов и пр.» (см. например: Кронштадтский вестник. 1875. 31 дек. № 148; Семья. 1893. № 51).

мчалась большая тройка... Вслед за тройкой по зеленой хвое шагали солдатики. А возле солдатиков висело прекрасное рыцарское вооружение: панцирь, шлем и меч... Грише можно было позавидовать от души»[44].

В некоторых семьях было принято делать праздничные украшения из бумаги, тканей и других подручных материалов своими руками. Для этого несколько предшествовавших празднику недель дети совместно с воспитателями, а иногда даже с родителями изготовляли ангелов, золотые орешки и др. украшения, часть из которых раздавалась бедным[45]. В гости («на елку») приходили семьи родственников и друзей, просто соседские дети, подчас даже приглашали местную бедноту и детей прислуги. Члены семьи и участвовавшие в празднике обменивались подарками. Дети получали сладости, игрушки, вещи. Подросткам предпочитали дарить деньги. Дети, в свою очередь, преподносили родителям поделки и нарисованные самостоятельно открытки[46].

В один из дней Рождественской недели посещались «официальные елки» — в Офицерском (Морском, Дворянском, Коммерческом и т. д.) собрании, где «в огромном зале стояла большая елка, играл оркестр, были танцы и скромные рождественские подарки»[47]. Танцевать на детских вечерах разрешалось, как правило, только детям, впрочем, к ним относились и те, кто еще не достиг совершеннолетнего возраста (21 года)[48].

Подготовка к Пасхе также происходила заранее. В большинстве дворянских семей дети принимали в ней участие. Приготовления начинались еще до Страстной недели. Подписывались и рассылались родным и знакомым открытки с поздравлением «Христос Воскресе!», вышивались формы для пасхи и куличей, выращивался овес, куда полагалось класть крашеные яйца, готовились подарки[49]. В организации же самого праздничного стола дети, как правило, принимали опосредованное участие. В лучшем случае они красили яйца, а в приготовлении других ритуальных блюд — пасхи и куличей — их не задействовали, нередко (в городах) ограничиваясь покупными[50]. Освящением же

---

[44] *Грузинский А.* Елка (история разбитого сердца) // Семья. 1893. № 7. С. 6–7.

[45] См. например воспоминания Е. В. Яфа: ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 41–46.

[46] Двенадцатилетняя Оля писала в дневнике: «...мне подарили — папаша — бонбоньерку с елки и новые лайковые перчатки. Они мне были малы, серого цвета и мы с мамашей пошли и переменили их на светло-желтые, которые были мне впору. Мамаша — маленькую на туалет корзиночку, сделанную из проволоки и в ней 7 пятачков...» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 43 об. — 44).

[47] *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 462.

[48] *Мельникова А. Ю.* Светские традиции в праздновании Рождества и Святок в Кронштадте во второй половине XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): Матер. междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / Под общ. ред.В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веременко. СПб., 2013. С. 115–116.

[49] ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 72; Пасхальные истории. Нарцисс (рассказ) // Новое время. Иллюстрированное приложение к газете. 1914. 5 апреля.

[50] Редкий случай участия ребенка в оформлении ритуальных продуктов описан в воспоминаниях А. Лугового: «Мне и самому иногда позволяли принимать участие в кухонном

пасхального изобилия занималась прислуга[51]. Зато дети с удовольствием накрывали праздничный стол: «После обеда столы удлинили, накрыли белой скатертью и начали мы расставлять на столе еще заранее купленные куличи, пасхи, бабы, куропатку с начинкой, поросенка холодного, красную и белую редиску, крашенные нами яйца, масло...»[52]. Многие, хотя, конечно, далеко не все, семьи отправлялись на пасхальную службу, вернувшись с которой и садились за праздничный стол[53].

Итак, постоянно возраставшее в дворянской среде России на протяжении второй половины XIX — начала XX в. равнодушие к обрядовой стороне религиозной жизни не могло не отразиться на детях, которые, как и взрослые, с удовольствием отмечали церковные праздники, но мало обращали внимание на их религиозный смысл и предшествующий им этап «воздержания».

По каноническим нормам задачей религиозного воспитания являлись: во-первых, «подготовка человека к вечной жизни и земной жизни как ступени в вечность», и, во-вторых — подготовка «к свободе во Христе», т. е. приобщение к «Истине через христианскую жизнь». В этом плане во второй половине XIX в. серьезные дискуссии вызывал вопрос о сути понятия свободы. При этом основная масса религиозных авторов продолжала солидаризироваться с Амвросием Оптинским, который рекомендовал «разумную строгость в воспитании», подчеркивая, что «подлинная свобода заключается в смирении и послушании»[54]. Данный подход вступал во всё большее противоречие с идеями «свободного воспитания», широко распространившимися в интеллигентно-дворянской среде на рубеже XIX–XX вв.[55] В то же время в образованном российском обществе становилось всё более популярным «новое религиозное сознание», представленное концепциями Л. Н. Толстого, Д. С. Мережковского,

производстве, позволяли украшать куличи и бабы разными узорами, выводимыми глазурью из яичного белка и сахара. Я помню, в каком художественном экстазе я выжимал из бумажных трубочек эту глазурь — белую, красную, желтую, и с восторгом писал на поверхности куличей: “Христос воскресе”. Случалось, не досмотрят за мною, и сладкий червячок из бумажки начинает извиваться, вместо своего прямого назначения, прямо мне в рот» (*Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 166).

51 *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 463.

52 ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 10 об.

53 «...Первая Пасха не сохранилась у меня в памяти, заслоненная более яркими впечатлениями многих других пасхальных богослужений из последующих лет моей жизни. Я знаю только одно, что с пятилетнего возраста я уже принимал участие во всех молитвенных стояниях, в церкви и на дому, наравне с моими глубоко религиозными родителями» (*Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 159).

54 *Колпачев В. В., Жураховская Т. Г.* Развитие гуманистических основ воспитания в трудах Отцов Русской Православной церкви // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 184–194.

55 *Веременко В. А.* Исторический опыт воспитания «человека» и «гражданина» в дворянских семьях России (XIX — начало XX в.) // XVII Царскосельские чтения: Материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2013 г. / Под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб., 2013. Т. 1. С. 21–30.

В. В. Розанова, Н. А. Бердяева и др., в которых содержалась критика официальной церкви и стремление поставить в центр исследований человеческую личность, пытающуюся раскрыть тайну своей религиозной судьбы[56].

Став, таким образом, объектом широких общественно-политических и философских дискуссий, религиозные представления оказывались крайне сложны для донесения их в упрощенном виде детям. В этой ситуации многие родители предпочитали откладывать серьезные разговоры о Боге до взросления детей[57]. Сама же сложная и обширная религиозная тема сворачивалась на своего рода «предметное» изучение текста Св. Писания и церковной истории, а духовно-нравственная составляющая отдавалась на откуп прислуге[58] или, в лучшем случае, учителям и гувернанткам.

Вместе с тем формирование первых религиозных представлений, по мнению и церкви и большей части педагогов[59], должно было начинаться в самом раннем детстве. Причем именно родители, особенно матери, должны были стать первыми руководителями и наставниками своих детей в этой области, «внушать им с малых лет правила христианской религии и нравственной жизни»[60]. На деле же родителей больше беспокоили задачи умственного и эстетического воспитания. В результате у очень многих дворянских детей религиозные взгляды укладывались в следующую фразу: «С раннего детства я знала, что на небе живет Бог, который сотворил мир, вокруг него множество Ангелов с белыми крыльями, что у меня есть свой Ангел-Хранитель»[61].

---

[56] См.: *Элбакян Е. С.* Религия в сознании российской интеллигенции XIX — начала XX в. М., 1996.

[57] Типичные рассуждения на данный счет находим в «Записках матери»: «В самом начале, т. е. лет до 6–7, религия как основа нравственности почти отсутствовала: он (сын. — *В. В.*) был и слишком мал, чтобы понять ее, и мне всё хотелось дождаться того момента, когда я смогу <...> “на деле” показать ребенку, что человек должен заботиться о своих близких. Говорить ему о любви к людям, о братстве всех в нашей эгоистичной жизни я решительно не могла, изменить эту жизнь я тоже не могла и ждала, пока он подрастет, чтобы понять меня, и пока я буду иметь в руках хоть что-нибудь для подтверждения моих слов...» (*А-ская*. Из записок матери. С. 70–71).

[58] Например, княгиня И. Д. Голицына (урожденная Татищева) вспоминала: «Я очень любила свою няню, потому что она всегда была рядом, в любое время дня и ночи. Я всегда думала, что именно она заложила основы моей духовной жизни. Я наблюдала, как она молится, <...> и мое доверие к ней было безгранично» (*Голицына И. Д.* Указ. соч. С. 21).

[59] См. например популярную в конце XIX — начале XX в. концепцию Ф. Фребеля (*Фребель Ф.* Воспитание человека / Пер. И. Д. Городецкого. М., 1904. Т. 1). Вместе с тем так считали не все педагоги. Например, С. И. Ладыженская отрицала необходимость преподавания Закона Божия в дошкольном возрасте: «Религиозная область еще чужда ребенку. Если жизнь его поставлена нормально, то у него и не явится таких вопросов — откуда всё окружающее? Почему он существует? Мы сами наталкиваем детей на эти вопросы. Гораздо лучше сказать ребенку “не знаю”, чем говорить то, что он не может понять, и что только искажает его представления о действительности» (Труды Первого всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.12.1912–6.01.1913. Т. 2. СПб., 1914. С. 81).

[60] *Кузнецов В. Д.* Указ. соч. С. 67.

[61] *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 463.

Предполагалось, что к моменту поступления в школу родители уже поставят «детей в отношении религии на твердую почву», т. е. обучат их основным молитвам, приучат соблюдать религиозные обряды и ежедневно читать Библию[62]. В некоторых семьях действительно практиковалось совместное чтение священных книг, прежде всего Евангелия[63], но чаще речь шла о выучивании нескольких молитв и основных религиозных текстов[64] в объеме, необходимом для поступления (прохождения собеседования по Закону Божьему) в среднюю школу[65]. В результате данные знания (именно знания, а не духовные представления и чувства) имели для родителей и для ребенка такой же статус, как и знания по другим предметам (чтению, письму, арифметике и т. д.), по которым его также готовили к школе[66].

---

[62] *Филонов А.* Речь о единении между семьей и школой // Циркуляр по управлению Санкт-Петербургским учебным округом. 1872. № 3. Приложение. С. 9.

[63] «...Теперь спешу оставить всё; папа зовет читать Евангелие» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 9).

[64] Иногда даже этот необходимый минимум дети изучали не дома, а в специализированных учебных заведениях — детских садах и подготовительных классах. Например, Т. Г. Морозова с 6-ти лет училась в частной подготовительной школе, где ее готовили к поступлению в институт. Именно там (а не дома!) она узнала «библейские легенды о сотворении мира, об Адаме и Еве, о Всемирном потопе, о Благовещении — явлении Архангела Гавриила деве Марии, возвестившем ей о предстоящем рождении ею Сына Божия, об Ироде, умертвившем тысячи младенцев, надеясь погубить среди них недавно рожденного Мессию, о распятии Иисуса на кресте и о его чудесном Воскресении». Именно в школе она выучила и важнейшие молитвы, а также заповеди (*Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 463–464).

[65] Уровень требований по Закону Божию во все средние учебные заведения был приблизительно одинаковым и включал: для детей православного вероисповедания: знания основных обрядовых сторон, как то: знание молитв, умение правильно креститься, знание славянской азбуки. Для детей евангелическо-лютеранского вероисповедания необходимо было знать молитву «Отче наш», а также «несколько песен, уместных для утренних и вечерних молитв, а также для молитвы перед едой». Описание вступительного испытания находим в воспоминаниях О. Яфа: «Мама однажды утром повезла меня в гимназию на приемный экзамен <...> Марья Николаевна Стоюнина, обласкав, самолично проэкзаменовала меня по русскому языку, арифметике и Закону Божию (письменно — в классе, устно — в учительской)...». Иногда, значительно реже, к приемным испытаниям привлекались священники: «Последний экзамен был по Закону Божьему. Священник почему-то сидел не за столиком, а у окна. Он хитро и насмешливо щурился и поглаживал большую седоватую бороду. Я встала перед ним. Он о чем-то спросил меня, а потом велел прочитать “Отче наш”. Я прекрасно знала молитву, но почему-то в одном месте приостановилась. “Вот и сбилась”, — насмешливо произнес священник и подсказал мне нужные слова. Я дочитала молитву до конца, но вместо того, чтобы отвесить поясной поклон, как полагалось, сделала реверанс. Священник опять посмотрел мне в лицо с легкой усмешкой и отпустил меня» (*Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 395; ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314. Л. 90; Подготовление к училищу св. Анны. СПб., 1894; Школа Е. С. Левицкой в Царском Селе. СПб., 1903. С. 3).

[66] Перед нами листы из дневника Е. С. Кавос (апрель 1903 г.), в котором мать характеризует степень подготовки своих детей к школе, ставя Закон Божий далеко не на первые места:
«...Наташа может поступить во II кл.
Русский яз. приготовлена хорошо.
Арифметика. Летом надо упражняться в изустном счете (познакомить с упрощенным способом умнож[ения] и деления) <...> Немножко познакомить с дробями.

Оценивая сложившееся положение, современники были вынуждены признать, что «даже те воспитатели, которые с особенной добросовестностью относятся к своему призванию и чутко относятся к развивающимся запросам детей, меньше всего обращают внимание на их первые религиозные искания или же грубо, бестактно обрывают их в самом зародыше»[67].

Таким образом, религиозное воспитание в семьях российских дворян в пореформенный период либо вообще не занимало воспитателей, будучи лишь одним из компонентов общей подготовки к школе, либо носило формальный, внешний характер. Причем значительно бóльшую роль в эмоционально-нравственной стороне веры играли прислуга и наставники, а не родители.

Накануне поступления в школу большинство детей российских дворян были своего рода «стихийно верующими». Речь идет о следующих присущих им характеристиках — наличие веры в сверхъестественное; опыт (в большинстве случаев) посещения церкви и участия, или хотя бы наблюдения, за молитвенной практикой; знание, но при очень выборочном соблюдении, религиозного календаря; высокая информированность о содержании Библии, но при отношении к этому содержанию как к учебному предмету. Превращение (или непревращение) таких «стихийных верующих» в истинных представителей своей конфессии зависело от совместной деятельности семьи и школы в период обучения подростков в средних учебных заведениях.

References

Albakian E. S. Religia v soznanii rossiyskoiy intelligentsia XIX — nachala XX v. M., 1996.

Frebel' F. Vospitanie cheloveka / Per. I. D. Gorodetskogo. M., 1904. T. 1.

Frolova I. V. Osobennosti prizrenia devochek katolicheskogo veroispovedania v Rossii vo vtoroyi polovine XIX — nachale XX v. // Pol. Politika. Polikul'turnost': gendernie otnoshenia i gendernie sistemi v proshlom i nastoiashem: Materiali Sed'moiy mejdunar. nauch. konf. RAIJI i IEA RAN, 9–12 oktybria 2014 g., g. Riazan' / Otv. red. N. L. Pushkareva, O. D. Popova. M., 2014. T. 1. S. 475–478.

Golitsina I. D. Vospominania o Rossii (1900–1932) / Per. s angl. T. I. Golitsinoiy, O. A. Nesmeianovoiy. M., 2009.

Kolpachev V. V., Jurahovskaia T. G. Razvitie gumanisticheskih osnov vospitania v trudah Ottsov Russkoiy Pravoslavnoiy tserkvi // Novoe v psihologo-pedagogicheskih issledovaniah. 2011. № 2. S. 184–194.

Немецкий — повторить всё.
Естествен[ная] истор[ия] подготовлена хорошо.
Закон Божий очень хорошо.
летом осталось французский.
Маруся.
Русский читает и рассказывает хорошо — пишет посредственно.
Летом следует упражняться в письме.
Немецкий — может поступить в III кл. только повторить все.
Закон Божий — подготовлена очень хорошо.
Естеств[енная] история. Может поступить во II кл. Курс анатомии знает осмысленно и хорошо.
Ботанику нужно осенью держать.
География. Курс II кл. знает очень хорошо.
Французский осенью» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 16. Л. 10–11).

[67] *Лозинский Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 10.

Kuznetsov V.D. Deiatelnosnt' russkoiy pravoslavnoiy tserkvi po religioznomu vospitaniu uchashihsia klassicheskih gimnaziy i voenno-uchebnich zavedeniy nakanune Pervoiy russkoiy revolutsii // Klio. 2011. № 5. S. 67–72.

Lozinskiy E. Novie problemi vospitania. T. 1. Religiy. Nravstvennost'. Seksual'noe vospitanie. SPb., 1912.

Martianova I.U. Povsednevnaia jizn' deteiy rossiyskih dvorian po memuaram sovremennikov XVIII — nachala XX v.: Avtoref. dis. ... k. i. n. Krasnodar, 2010.

Mel'nikova A.U. Svetskie traditsii v prasdnovanii Rojdestva i Sviatok v Kronshtadte vo vtoroyi polovine XIX — nachale XX v. // Patriotizm i grajdanstvennost' v povsednevnoiy jizni rossiyskogo obshestva (XVIII–XXI vv.): materiali mejdunar. nauch. konf. 14–16 marta 2013 r. / Pod. obsh. red. V.N. Skvortsova, otv. red. V.A. Veremenko. SPb., 2013.

Mishina E.V. Pravonarushenia, sovershaemie nesovershennoletnimi, v dorevolutsionnoiy Rossii i gosudarstvennaia deiatelnost' po ih preduprejdeniu i prescheniu (istoriko-pravovoiy aspect): Avtoref. dis. ... k. u. n. SPb., 2002.

Morozova T.G. V institute blagorodnih devits / Sost., podg. teksta i comm. V.M. Bokovoiy i L.G. Saharovoiy, vstup. st. A.F. Belousova. M., 2001.

Repina L.P. Ot «domashnih del» k «delam gosudarsctva»: gender i vlast' v istoricheskom kontekste // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noy istorii. 19. Spezial'niy vyipusk: Individ, Obghestvo, vlast' v kontekste gendernoy istorii. M., 2007.

Shevnina L.V. Patronat nad prestupnimi det'mi v Rossii v kontse XIX — nachale XX v. // Vestnik Leningradckogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Ser. 4: Istoria. 2010. № 2. S. 152–162.

Sinova I.V. Nakazania deteiy vo vtoroyi polovine XIX — nachale XX veka v kontekste povsednevnoiy jizni // Pod sen'u Chesmenskogo dvorza: Rossia v XVIII — nachale XXI v.: Materiali Vseros. nauch. konf. SPb., 27–29 noiabry 2012 g. / Otv. red. I.A. Tropov. SPb., 2012. S. 116–122.

Solodiankina O.U. Inostrannie guvernantki v sisteme semeiynih otnosheniy: vospitanniki, drugie chleni sem'i, rodstvenniki, sosedi, uchitelia, slugi // Gender i obshestvo / Pod red. L.P. Repinoiy, A.V. Strogovoiy, A.G. Supriynovich. SPb., 2007. S. 123–161.

Veremenko V.A. Nasledstvennie prava deteiy v rodovom imushestve dvorian v Rossii vo vtoroyi polovine XIX — nachale XX v. // Vestnik Leningradckogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Ser. 4: Istoria. 2008. № 2. S. 57–74.

Veremenko V.A. Organizatziy pitaniy mladenziyv v dvorianskih sem'yah Rossii vo vtoroyi polovine XIX — nachale XX v. // Pridniprovs'ki sotzial'no-gumanitarni chitanny: Materiali Berdiyns'koï cecii I Vseukraïns'koï naukovo-praktichn. konf. z mighnarodnou uchastu (m. Berdyans'k, 22 verestny 2012 r.): u 5 ch. Dnipropetrovc'k, 2012. Ch. 3. S. 31–34.

Veremenko V.A. Istoricheskiy opit vospitania «cheloveka» i «grajdanina» v dvorianskih sem'iah Rossii (XIX — nachalo XX v.) // XVII Tsarkoselskie chtenia: materiali mejdunar. nauch. konf., 23–24 apr. 2013 g. / Pod. obsh. red. V.N. Skvortsova. SPb., 2013. T. 1. S. 21–30.

Zaiytseva S.V. Deiatelnost' gosudarstva i obshestva v oblasti organizatsii prizrenia nezakonnorojdennich deteiy v Rossii vo vtoroyi polovine XIX — nachale XX v. (na primere Sankt-Peterburgskoiy gubernii): Avtoref. dis. ... k. i. n. SPb., 2014.

Zasosov D.A., Pizin V.N. Iz jizni Peterburga. SPb., 1991.

Список литературы

А-ская. Из записок матери // Свободное воспитание. 1907–1908. № 10.

Временко В.А. Исторический опыт воспитания «человека» и «гражданина» в дворянских семьях России (XIX — начало XX в.) // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 23–24 апреля 2013 г. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2013. Т. 1. С. 21–30.

Временко В.А. Наследственные права детей в родовом имуществе дворян в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. 4: История. 2008. № 2. С. 57–74.

Временко В.А. Организация питания младенцев в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в. // Придніпровські соціально-гуманітарні читання: Матеріали Бердянської сесії I Всеукраїнської науково-практичн. конф. з міжнародною участю (м. Бердянськ, 22 вересня 2012 р.): у 5 ч. Дніпропетровськ, 2012. Ч. 3. С. 31–34.

Гигиеническая поваренная книга д-ра М.Я. Брейтмана / Под ред. проф. С.И. Залеского. М., 1902.

Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932) / Пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. М., 2009.

Грузинский А. Елка (история разбитого сердца) // Семья. 1893. № 7. С. 6–7.

Зайцева С. В. Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии): Автореф. дис. ... к. и. н. СПб., 2014.

Засосов Д. А., Пызин В. Н. Из жизни Петербурга. СПб., 1991.

Колпачев В. В., Жураховская Т. Г. Развитие гуманистических основ воспитания в трудах Отцов Русской Православной церкви // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 184–194.

Кузнецов В. Д. Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. 2011. № 5.

Лозинский Е. Новые проблемы воспитания. Т. 1. Религия. Нравственность. Сексуальное воспитание. СПб., 1912.

Луговой А. Как росла моя вера // Вестник Европы. 1909. Кн. 4.

Мартианова И. Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII — начала XX в.: Автореф. дис. ... к. и. н. Краснодар, 2010.

Мельникова А. Ю. Светские традиции в праздновании Рождества и Святок в Кронштадте во второй половине XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): Матер. междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / Под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веременко. СПб., 2013. С. 115–116.

Михайловский В. Пост, его происхождение, необходимость, польза и возражения против него. СПб., 1884.

Мишина Е. В. Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, в дореволюционной России и государственно-правовая деятельность по их предупреждению и пресечению (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2002.

Морозова Т. Г. В институте благородных девиц // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. теста и комм. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. ст. А. Ф. Белоусова. М., 2001. С. 462–464.

Репина Л. П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 19. Специальный выпуск: Индивид, Общество, власть в контексте гендерной истории. М., 2007.

Синова И. В. Наказание детей во второй половине XIX — начале XX века в контексте повседневной жизни // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII — начале XXI в.: Материалы Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 ноября 2012 г. / Отв. ред. И. А. Тропов. СПб., 2012. С. 116–122.

Солодянкина О. Ю. Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги // Гендер и общество в России / Под ред. Л. П. Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб., 2007. С. 123–161.

Труды Первого всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.12.1912–6.01.1913. СПб., 1914. Т. 2.

Филонов А. Речь о единении между семьей и школой // Циркуляр по управлению Санкт-Петербургским учебным округом. 1872. № 3. Приложение. С. 9.

Фребель Ф. Воспитание человека / Пер. И. Д. Городецкого. Т. 1. М., 1904.

Фролова И. В. Особенности призрения девочек католического вероисповедания в России во второй половине XIX — начале XX в. // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., г. Рязань. М., 2014. Т. 1. С. 475–478.

Шевнина Л. В. Патронат над преступными детьми в России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. 4: История. 2010. № 2. С. 152–162.

Элбакян Е. С. Религия в сознании российской интеллигенции XIX — начала XX в. М., 1996.